

Роль Венгрии во Второй мировой войне

Вступление в войну против Советского Союза
в зеркале дневников и воспоминаний

Юдит Пихурик

Со второй половины восьмидесятых годов прошлого века в Венгрии появляется все большее количество дневников, записок, воспоминаний, автобиографических заметок (в дальнейшем „мемуары“), относящихся к периоду правления Хорти. Часть этих материалов ранее уже публиковалась за рубежом, другие же годами и десятилетиями лежали „в столе“. Мемуары часто оказывались в центре внимания, особенно, когда их авторами были известные лица. Читателя больше всего привлекает субъективный взгляд автора, однако у исследователя как раз это должно вызывать наибольшую осторожность. Действительно, мемуары сознательно выражают точку зрения личности, показывают ее роль и возможности. Мотивом к составлению мемуаров часто служит стремление к самооправданию. Именно поэтому каждое утверждение должно быть многократно перепроверено, не только из-за субъективизма, но и из-за возможных ошибок. Это означает не только проверку по данным источников и специальной литературы, – очень поучительным бывает также сравнение с высказываниями современников. Для определения степени достоверности приведенных в мемуарах фактов и данных очень важно учитывать личность автора, а также условия, в которых рукопись появилась на свет.

Человек может быть творцом или просто свидетелем и участником событий, но в его дневниках всегда отражается то, что он чувствовал, думал, какую систему ценностей исповедовал в данный период, какие имел возможности, и по каким причинам воспользовался или не воспользовался данными возможностями, насколько отвечал ожиданиям общества, к каким целям стремился и какие и почему отверг, как на него повлияли идеи и тенденции его времени. Автор дневников ведет свои записи одновременно с событиями, в его откровенных высказываниях об этих событиях звучат лич-

ные нотки, ведь цель автора не в том, чтобы дать читателям информацию, а в том, чтобы зафиксировать свои собственные впечатления и мысли. Непосредственные высказывания, мгновенные реакции и свободное изложение переживаний способствуют созданию общей картины. Среди публикаций относительно редко встречаются дневники, которые велись регулярно в течение продолжительного времени, чаще автор записывал свои мысли только в период или в ситуации, которую он считал важной, часто мотивом к ведению записок послужил какой-либо резкий поворот в его судьбе, например, плен или нелегальное положение.

Мемуары, воспоминания пишутся задним числом, декларируемой целью их авторов является научное изложение данных, их обзор, может быть анализ, но чаще всего мотивом служит стремление к самооправданию. Автор берется за раскрытие подоплеки исторических событий, корректировку ошибочных, по его мнению, взглядов, или публикует неизвестные до сих пор факты и документы. Тогда, во всяком случае, теоретически, центральное место должен занимать рассматриваемый исторический период, а не личность. В случае мемуаров мы также не можем предполагать, что они всегда создавались в спокойной обстановке. Многие воспоминания писались в условиях плена, эмиграции или вынужденного ухода от дел, забвения, что также не способствовало взвешенному анализу и беспристрастным оценкам. Однако эти обстоятельства могли способствовать и тому, что в распоряжении автора, кроме его собственных дневников и заметок, оказывались другие источники или специальная литература. Таким образом, точка зрения мемуаристов, наряду с другими факторами, может быть в значительной степени обусловлена приобретенными позднее знаниями и опытом. Надо также учитывать и то, что в расчете на публикацию автор мемуаров до известной степени приспособливает, или вынужден приспособливать их к картине событий, сложившейся ко времени публикации.

Запечатленные в мемуарах воспоминания дают своеобразную картину прошлого. Многообразие взглядов делает известный или казавшийся известным исторический период более ярким и близким к читателю. Мы можем наблюдать, насколько осуществляется самоконтроль и объективность в случае дневников, и как память справляется с фактами в мемуарах. Есть множество примеров того, насколько плохо люди помнят имена, факты и даже события, которые они наблюдали собственными глазами, насколько влияет на их воспоминания все, что они позднее прочитали, узнали, часто в противоречии с их собственным опытом.

Учитывая все вышесказанное, мы можем на основании часто противоречащих, но и дополняющих друг друга дневников и мемуаров составить более тонкое представление о спорных вопросах данного периода, о подоплеке тех или иных решений, о том, как сталкивались желания и реальность, как трудно давалось осознание реальной расстановки сил, как судьба Венгрии оказалась практически не управляемой в отсутствии внутреннего контроля и гарантий великих держав, и как из-за мнимых или реальных интересов она втягивалась во Вторую мировую войну. Ниже мы попытаемся

с помощью мемуаров проследить оценки, связанные с обстоятельствами вступления страны в войну, их формирование и изменение. Наиболее часто возникающие и спорные вопросы заключаются в том, было ли вступление в войну исторической необходимостью, кто при этом играл главную роль – Миклош Хорти¹ (Horthy Miklós), Ласло Бардоши² (Bárdossy László), Хенрик Верт³ (Werth Henrik), крайне право настроенные офицеры или немцы, а также кто и почему бомбил Кошице.

После начала боевых действий Второй мировой войны основной целью венгерского политического руководства было сохранение военного нейтралитета. С сентября 1939 до апреля 1941 г. это удавалось сделать, однако 11 апреля 1939 г. Венгрия присоединилась к нападению на Югославию. Последовавшее затем самоубийство премьер-министра Венгрии Пала Телеки⁴ (Teleki Pál), по мнению многих, демонстрировало безысходность ситуации: в сложившемся положении не существовало настоящей альтернативы для самостоятельных шагов. Посол Венгрии в Лондоне Дьёрдь Барца (Barcza György) еще 7 февраля 1941 г. отправил сообщение о том, что министр иностранных дел Великобритании Иден (Eden) вызвал его к себе и выразил желание провести „дружескую, но абсолютно откровенную” беседу. Среди прочего он заявил, что хотя и ясно понимает всю тяжесть положения Венгрии в связи с немецким давлением, в случае победы английское правительство будет делать различие „между вынужденной и добровольной готовностью, стремится страна противостоять давлению, или нет.”⁵ Заметки Пала Телеки от 3 марта 1941 г. отражают его сомнения в связи с вышеуказанным: великие державы и после этого будут относиться к малым государствам в соответствии с собственными интересами, не учитывая „различий в их положении”. Таким образом, очень трудно одновременно соответствовать поставленным англичанами условиям и противостоять „притягательной силе современных идеологий, опирающихся на свои победы”.⁶ Позднее, в воспоминаниях, связанных с вторжением в Югославию (в так называемые „Южные территории”), У. Черчилль также писал, что Венгрия тогда должна была выбирать из двух зол: или немецкая оккупация, или нарушение данного слова⁷. Решение о присоединении мотивировалось стремлением завершить территориальную ревизию, в соответствии с решением Высшего

¹ Правитель Венгерского Королевства в 1920–1944 гг. (1868–1957).

² Премьер-министр Венгрии с 3 апреля 1941 по 7 марта 1942 г. (1890–1946).

³ Начальник Генерального штаба армии с 19 сентября 1938 по 4 сентября 1941 г. (1881–1952).

⁴ Премьер-министр в 1920–1921 гг., а также с 16 февраля 1939 по 3 апреля 1941 г. (1879–1941).

⁵ *Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához*. [Дипломатические документы внешней политики Венгрии] V. Под ред. Gy. Juhász, Budapest 1982. (В дальнейшем: DIMK. V.) 860–861.

⁶ DIMK V. 893–902.

⁷ W. S. Churchill, *A második világháború*. [Вторая мировая война] I–II, Budapest 1989, 481–482.

Военного Совета участие Венгрии в боевых действиях не должно было распространяться за ее исторические границы.⁸ В соответствии с триантонским договором 1920 г. после распада Австро-Венгерской монархии прекратило свое существование и единство исторической Венгрии: к появившимся на месте Австро-Венгерской монархии государствам отошло две трети территории страны и 57% населения. Более 30% населения этих потерянных земель составляли венгры. Напряженность обостряло и то, что значительное венгерское население проживало вдоль новых границ, то есть мирный диктат разделил также этнически однородные территории. Главной внешнеполитической задачей периода правления Хорти была мирная ревизия границ, но возможность для этого появилась только в конце 30-х гг. с немецкой и итальянской помощью. Этот факт бросил тень на результаты осуществленной ревизии,⁹ и определил внешнеполитическую ориентацию Венгрии. Весной 1941 г. венгерское политическое руководство в надежде на возврат так называемых „Южных территорий“ приняло решение о присоединении к нападению на Югославию и о пропуске немецких войск через свою территорию. Этот шаг рассматривался как следующий этап территориальной ревизии. Принятие решение осложнялось и тем, что в декабре 1940 г. Венгрия и Югославия заключили договор о вечной дружбе. Однако весной 1941 г. в Югославии произошел антинемецкий политический поворот, следствием которого стало немецкое нападение. Венгерские политики оправдывали вступление в войну, в результате которой были присоединены новые земли, распадом страны, заключившей договор, образованием независимой Хорватии и защитой венгерского населения „Южных территорий“.¹⁰ Успехи ревизионизма способствовали росту популярности правителя Миклоша Хорти, повышали общее настроение, однако многие политики предупреждали об опасности пронемецкой ориентации. После нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. в основном среди высшего военного командования встречались те, кто был ранее знаком с военными планами и считал, что во имя союзнической верности и для борьбы с боль-

⁸ Стоит отметить, что военная операция все же распространилась за эти границы. Быстрый корпус под командованием генерала Листа с 16 апреля по 6 мая 1941 г. был придан 12-ой немецкой армии. Под командованием немцев корпус перешел границы Венгрии 1918 г. и через Восточную Хорватию дошел до сербского города Вальево, однако не принимал участие ни в каких боевых действиях.

⁹ 2 ноября 1938 г. в соответствии с так называемым первым венским арбитражем от Чехословакии к Венгрии отошла южная, населенная в основном венграми часть территории исторической „Верхней Венгрии“. 15 марта 1939 г. с согласия немцев венгерские войска вошли в Закарпатье, где венгры составляли почти 10% населения. В соответствии со вторым венским арбитражем 30 августа 1940 г. страна вернула себе Северную Трансильванию и область Секей с населением в 2,5 миллиона человек, но примерно 1 миллион населения составляли румыны, в то время, как в Южной Трансильвании осталось около 400 тысяч венгров.

¹⁰ Примерно 40% населения „Южных территорий“ составляли венгры.

шевизмом¹¹ Венгрия должна вступить в войну на стороне Германии. Премьер-министр Ласло Бардоши, однако, в то время еще отвергал подобного рода предложения, так как немцы ясно заявили, что не нуждаются в военном участии Венгрии. Многие выдающиеся политики, в их числе и бывший премьер-министр Иштван Бетлен¹² (Bethlen István), указывали на опасность, которую представляет для страны участия в этой войне.

Однако, 27 июня 1941 г. Ласло Бардоши истолковал воздушный налет на Кошице, обстоятельства которого до сих пор не ясны, как военные действия Советского Союза, и с согласия правителя объявил о том, что Венгрия и Советский Союз находятся в состоянии войны. 26 июня 1941 г. три неопознанных самолета, появившихся с юго-восточного направления, бомбили город Кошице, находившийся на вновь присоединенной территории исторической Верхней Венгрии. Было сброшено 29 бомб, в результате бомбежки погибло 32 человека, 60 получили тяжелые, и еще 220 легкие ранения. Был нанесен также значительный материальный ущерб. В тот же день в районе Рахова воздушному налету подвергся следующий в Будапешт скорый поезд. При таких обстоятельствах правительство и обе палаты государственного собрания, мнение которых согласно закону было запрошено задним числом,¹³ поддержали это решение, никто не высказал сомнений в том, что нападавшие самолеты были советскими.¹⁴

Стремление удержать вновь присоединенные территории также укрепляло согласие в этом вопросе, в то время как Румыния и Словакия как союзники немцев уже отправили свои войска на советский фронт. В надежде на быструю победу Германии до декабря 1941 г. последствия не казались опасными. Однако символическое по началу участие Венгрии, по мере изменения хода войны становилось все более важным для теряющего превосходство немецкого командования. В 1942 г. Венгрия была вынуждена отправить войска на советский фронт. Принятие таких тяжелых обязательств и изменение хода войны заставило многих пересмотреть решение 1941 г. В ме-

¹¹ С 21 марта по 1 августа 1919 г. в Венгрии была предпринята попытка установить власть по советскому образцу, которая, однако, провалилась.

¹² С 1921 по 1931 гг. премьер-министр, позднее один из главных советников правителя. (1874–1946)

¹³ В соответствии со статьей закона 1920/XVII. правитель имел право отправлять венгерские войска за границы страны, если существовала непосредственная опасность нападения. Однако он должен был запросить немедленное последующее одобрение парламента.

¹⁴ Позднее многие ссылались на то, что премьер-министр Бардоши скрыл от Миклоша Хорти и венгерского правительства телеграмму посла Венгрии в Москве Йозефа Криштофи, который передавал заявление Молотова о том, что Советский Союз не хочет войны с Венгрией, и не советские самолеты совершили налет. В своих мемуарах Хорти также упоминает этот случай. Мы не можем знать, каким образом заявление могло бы повлиять на принятие решения, так как с венгерской стороны в данной ситуации была полная уверенность в том, что произошло нападение со стороны Советского Союза.

муарах появляется мысль о том, что Венгрию втянули в эту ситуацию „жаждущие славы военные“ во главе с Хенриком Вертом, а также Ласло Бардоши¹⁵, а в 1944 г. некоторые мемуаристы оценивают сложившуюся ситуацию уже как результат немецкого влияния (и даже заговора). В то же время ставится вопрос и об ответственности Миклоша Хорти.¹⁶

Начальник Генерального штаба Хенрик Верт в мае-июне 1941 г. действительно стремился к тому, чтобы было достигнуто соглашение о немецко-венгерском военном сотрудничестве в предстоящей в скором будущем войне с Советским Союзом. Не получив благоприятного ответа на свои меморандумы от 6 и 31 мая, в новом отношении Министерству иностранных дел от 14 июня он выдвигает следующие доводы: „Я твердо убежден, что Венгрия не может оставаться в бездействии в немецко-русской войне. Мы должны принять в этой войне участие:

1. потому что это требуется для обеспечения территориальной целостности страны, а также для обеспечения нашего государственного, общественного и экономического порядка,

2. потому что в интересах нашего будущего ослабление русского соседства и удаление его от наших границ является нашей первостепенной национальной задачей,

3. потому что этого требует наше покоящееся на христианской национальной основе мировоззрение и принципиальное противостояние большевизму, как в прошлом, так и в настоящем,

4. потому что в политическом плане мы окончательно связали себя со странами оси,

5. потому что от этого зависит дальнейшее расширение нашей страны.“¹⁷

Ласло Бардоши, который как премьер-министр оставил за собой и пост министра иностранных дел, тогда же 14 июня на чрезвычайном заседании совета министров зачитал это отношение и ответил на него. Основные пункты его ответа: Венгрия уже предоставила достаточно доказательств того, что она стоит на стороне стран оси, нет необходимости вновь это демонстрировать, а о развитии немецко-советских отношений он не был проинформирован, несмотря на запрос. В отношении венгерского участия он подчеркнул, что немцы не просили об активном сотрудничестве. По его сведениям, Гитлер готовит для не имеющей территориальных претензий к Советскому Союзу Венгрии роль, отличную от Румынии и Финляндии. Бар-

¹⁵ См. Gy. Barcza, *Diplomata emlékeim, 1911–1945*. [Мои воспоминания дипломата, 1911–1945] I–II. *Magyarország volt vatikáni és londoni követének emlékirataiból*. [Из воспоминаний бывшего посла Венгрии в Ватикане и в Лондоне] ред. L. Antal, Budapest 1994, (В дальнейшем: Barcza II. 1994), V. Nagybaczoni Nagy, *Végzetes esztendőök, 1938–1945*. [Роковые годы, 1938–1945] Budapest 1986, (В дальнейшем: Nagybaczoni 1986), *Náray Antal visszaemlékezése, 1945*. [Воспоминания Антала Нараи, 1945] ред. S. Szakály, Budapest 1988. (В дальнейшем: Náray 1988).

¹⁶ См. M. Fenyő. *Az elsodort ország*. [Унесенная страна] Budapest 1986, (В дальнейшем: Fenyő 1986).

¹⁷ DIMK V. 1176–1179.

дошли один за другим опровергал доводы Верта, однозначно заявив, что „без решительного высказанного желания или призыва Германии” не даст своего согласия на начало военных приготовлений.¹⁸ Этого решения Бардоши и придерживался вплоть до бомбардировки Кошице. Хотя и несомненно, что целью Хенрика Верта было скорейшее вступление в войну, а его связи в немецких военных кругах подталкивали его к действиям, как начальник генштаба он принял к сведению решение политиков. Генерал Курт Химер¹⁹ (Kurt Himer) даже отметил в своем докладе, что „Верт не способен осознать величие момента”, так как подчиняется решению политиков, тогда как „сейчас слово за солдатами”.²⁰

Несмотря на эти факты в части мемуаров точка зрения авторов однозначна: ответственность за вступление Венгрии в войну лежит лично на премьер-министре и/или Хенрике Верте. Дьёрдь Барца также обвиняет Бардоши, так как считает, что тот „...без всякого принуждения со стороны немцев одним росчерком пера втянул страну в войну против Советов. ... Однако многим показалось чрезвычайно подозрительным вся история с воздушным налетом, который случился именно в тот момент, когда Бардоши требовался предлог, для того чтобы оправдать в глазах венгерского общественного мнения объявление войны Советскому Союзу.”²¹ Тут же Барца обвиняет и Верта в том, что как „активный германofil” он принял участие в провокации.

Иштван Бетлен также подчеркивает личную ответственность Бардоши. По его мнению премьер-министр был добросовестным политиком, который однако не мог устоять перед „соблазном” и под давлением немцев „объявил войну России и Америке и мы втянулись также в войну с Англией,”²² в то время как Гитлер не призывал Венгрию к вооруженному выступлению и не оказывал политического давления на правительство. Как и большинство мемуаристов, Бетлен подчеркивает иррациональную и опасную сущность войны с Советским Союзом. Он отрицает, что Венгрия связана с Германией „вечной благодарностью”, не верит, что произошла преднамеренная провокация, и опровергает также утверждение о том, что страна защищает мир от большевизма: „...не этот состоящий из горстки людей народ, сами жизненные основы которого подверглись нападению, был призван по наущению

¹⁸ DTK V. 1180–1182.

¹⁹ Генерал-майор Курт Химер, приданный высшему командованию венгерской армии генерал, начальник штаба связи (март-август 1941 г.).

²⁰ J. Kun, „A német hadvezetés magyarországi politikájához 1941. március-július,” [К венгерской политике немецкого военного командования в марте-июле 1941 г.] *Századok* 99 (1965), 1228–1245. Йожеф Кун (Kun József) отмечает, что журнал штаба связи, назначенного высшим немецким командованием в Венгрии, вел капитан д-р Перси Эрнст Шрам (Percy Ernst Schramm), 1140–1141.

²¹ Наряду с другими Дьёрдь Барца также пишет „объявление войны” вместо „состояния войны”. Barcza II. 1994, 24–25.

²² *Bethlen István emlékirata, 1944.* [Воспоминания Иштвана Бетлена, 1944 г.] ред. I. Romics, Budapest 1988, 113. (В дальнейшем: Bethlen 1988).

кичащихся национальной верностью „героев” на словах, совершенно напрасно, приняв героическую позу, встать на пути русского парового катка, который готовился раздавить не нас, а Германию...”²³ Характерно сжатое резюме Густава Хеннеи²⁴ (Hennyey Gusztáv): „Под давлением премьер-министра Ласло Бардоши, в котором значительную роль играл начштаба генерал-полковник Хенрик Верт, и по призыву Гитлера Совет министров решил объявить войну России...”²⁵

Миклош Хорти, напротив, снимает ответственность с Бардоши. Он не находит объяснения некоторым действиям Бардоши, однако считает приговор народного суда несправедливым, а его казнь называет „мученической смертью”. Объяснение таково: „Кто никогда не совершал ошибок в политике, пусть первый бросит камень в Ласло Бардоши.”²⁶ Сформулированное в 1945 г. мнение Антала Нараи²⁷ (Náray Antal) может служить итогом послевоенных оценок, практически полностью отрицающих политическую ответственность. Общие черты этих оценок следующие: главная ошибка – это слабость, подверженность влияниям, однако виноваты те, кто оказывал влияние, – большей частью иностранцы и деятели крайних взглядов. С этой точки зрения характерно, что пишет Нараи о Бардоши: „Несмотря на многие правильные представления, у него все же не хватило сил помешать тому, что внешние силы и скрывающиеся в их тени амбициозные деятели, часто вводя в заблуждение господина Правителя, постепенно довели нашу страну до посылки на фронт второй венгерской армии и ее печального поражения.”²⁸ Во всех случаях он указывает на роль генштаба, подчеркивая значение влияния офицеров-карьеристов.

В связи с ролью Хенрика Верта возникает вопрос: если даже на основании указанных политических резонов он считал закономерным вступление в войну с Советским Союзом, насколько он считал Венгрию подготовленной для этого в военном отношении? В связи с этим вопросом существуют различные мнения. Воспоминания Ференца Сомбатхеи²⁹ (Szombathelyi Ferenc) указывают на то, что, став начальником генштаба, он попробовал развеять романтические представления, сложившиеся благодаря его предшественни-

²³ Bethlen 1988, 113.

²⁴ Генерал-полковник, с 27 августа по 16 октября 1944 г. министр иностранных дел (1888–1977).

²⁵ G. Hennyey, *Magyarország sorsa Kelet és Nyugat között. Egy volt magyar királyi külügyminiszter visszaemlékezései*. [Судьба Венгрии между Востоком и Западом. Воспоминания бывшего королевского министра иностранных дел] ред. L. Antal, Budapest 1992, 59. (В дальнейшем: Hennyey 1992).

²⁶ M. Horthy, *Emlékirataim*. [Мои воспоминания] ред. L. Antal, Budapest 1990, 245. (В дальнейшем: Horthy 1990).

²⁷ Генерал-майор, с марта 1942 по март 1944 г. председатель Венгерского Телеграфного Агентства и Радио (1893–1973).

²⁸ Náray 1988, 60–61.

²⁹ Генерал-полковник, с 6 сентября 1941 г. по 19 апреля 1944 г. начальник Генерального штаба армии (1887–1946)

кам: он хотел, чтобы пришло осознание того, что венгерская армия малочисленна и отстала и годится только для оккупации.³⁰ Упомянутые предшественники – военный министр Карой Барта (Bartha Károly) и Хенрик Верт. 1 апреля 1941 г. на Высшем Оборонном Совете Барта говорил следующее: „...дух и подготовка венгерской армии отличные. Что касается современного вооружения, то тут есть, над чем поработать, однако выступление на стороне Германии приведет к тому, что немцы могут с избытком снабдить нас вооружением, снаряжением и боеприпасами.”³¹ Мемуары Миклоша Каллаи (Kállay Miklós) полны противоречий: в связи с катастрофой 1943 г. на Дону он подробно описывает недостаточное снабжение венгерских войск и их безвыходное положение, а затем вспоминает, что „до рукопашного боя, в котором так силен венгерский солдат, дело не дошло.”³² В патетических выражениях он описывает выносливость и жертвенность солдат, однако через несколько страниц занимается поисками причин „духовной деформации” армии, сравнивая венгерских солдат, воевавших в Первую и во Вторую мировую войну. Он называет несколько причин изменений. Дисциплина в армии уже не та, что прежде, и исправить положение просто грубостью, как это пытались сделать, по его наблюдениям, некоторые молодые офицеры, невозможно. Другая причина, которую называли многие, заключается в том, что солдаты не видели смысла воевать. Они не понимали, что после успешной ревизии территорий им делать в войне с Советским Союзом, вдали от Венгрии.

Некоторые авторы считают определяющим влияние политизированного офицерства, особенно „швабского” происхождения. Еще до 1945 г., кроме всего прочего, большую роль в распространении этого взгляда могло играть мнение Эндре Байчи-Жилински (Bajcsy-Zsilinszky Endre)³³, влияние которого чувствуется во многих мемуарах. Вильмош Надьбациони Надь³⁴ (Nagybaczoni Nagy Vilmos) ссылается на их разговор в 1944 г., и в связи с этим замечает: „Часть деятелей немецкого происхождения склонны видеть венгерские интересы там, где есть интересы не венгерские, а чисто немецкие. Они всегда превозносили Германию и переоценивали немецкие достижения по сравнению с венгерскими. Мы, кровные венгры, лучше, чем они способны любить и ценить своих сородичей даже вместе с их ошибками.”³⁵ Многие принимают приведенное выше мнение, и во многих мемуарах

³⁰ Szombathelyi Ferenc *visszemlékezése*, 1945. [Воспоминания Ференца Сомбатхейи, 1945 г.] ред. P. Gosztanyi, Budapest 1990, 25.

³¹ Náray 1988, 49.

³² M. Kállay, *Magyarország miniszterelnöke voltam 1942–1944.* [Я был венгерским премьер-министром в 1942–1944] I–II, ред. L. Antal, Budapest 1991, 158.

³³ Политик, депутат парламента, публицист. С самого начала выступал против союза с немцами и войны с Советским Союзом. Как руководитель антифашистского сопротивления после прихода к власти нилашистов был арестован и казнен 24 декабря 1944 г. (1886–1944).

³⁴ Генерал, с 24 сентября 1942 г. по 12 июня 1943 г. военный министр (1884–1976).

³⁵ Nagybaczoni 1986, 195–196.

можно найти сходные высказывания.³⁶ Можно считать типичными выводы уже упомянутого Антала Нараи: „У меня сложилось впечатление, что начальник генерального штаба Венгрии вместе со своей оперативной группой и в полном согласии с немецким военным командованием подталкивал венгерскую политику к вступлению в войну. А венгерской политике не хватило смелости сохранить правильную основную линию и заявить исполнительной военной власти: „Sutor, ne ultra crepidam“! Так венгерский государственный муж окончательно проиграл в борьбе с испытывающим сильное немецкое влияние венгерским военным руководством, забыв о том, что таким образом отказался от духовного руководства жизнью государства и необходимости для нашего существования благоразумной осторожности. Опасаясь последствий, он передал бразды правления честолюбивым военным.“³⁷ Нараи также ссылается на то, что „штабные карьеристы“ заявляли: „Защита Венгрии будет осуществляется на Дону.“³⁸ Ни в коем случае не следует обобщать приведенные мнения: восприимчивость к крайним взглядам, „гермаофильское направление“ части офицерства связано скорее с духом того времени, а не с их происхождением. Попытка после поражения в войне делать обобщения на основании их поведения и установок мотивирована поисками „козла отпущения“, при анализе причин поражения можно было сослаться на офицеров и генералов „швабов“.

После войны роль немецкого влияния подчеркивалась и в другой связи. Довольно долго бытовало своеобразное объяснение бомбардировки Кошице, согласно которому нападение провели немецкие самолеты, замаскированные под советские с целью провокации, чтобы вынудить колеблющееся венгерское руководство напасть на Советский Союз. Согласно этой версии это наблюдал один из инструкторов аэродрома в Кошице капитан Адам Круди (Kúdy Ádám) и доложил Ласло Бардоши, который замолчал этот важный „факт“ перед правителем Хорти. Как мы уже упоминали, до сих пор неясно, чьи самолеты произвели налет, а вышеприведенная версия родилась в 1944–1945 г. и может быть опровергнута по многим пунктам. Проблему налета на Кошице подробно обсуждает в своей книге Юлиан Боршани³⁹ (Borsányi Julián), который был членом комиссии, на второй день

³⁶ См. Gy. Kádár, *A Ludovikától Sopronkőhidáig*. [От Людовики до Шопронкёхда] I–II. Budapest 1978, 255. *Shvoy Kálmán titkos naplója és emlékirata 1918–1945*. [Тайный дневник и заметки Кальмана Швой 1918–1945] ред. M. Ferneki, б. м. 1983, 121 (в дальнейшем: Shvoy 1983), E. Újpeéry, *Végállomás Lisszabon. Hét év a magyar királyi külügy szolgálatában*. [Конечная станция – Лиссабон. Семь лет на службе венгерских королевских иностранных дел] Budapest 1987, 278–279.

³⁷ Náráy 1988, 58–59.

³⁸ Náráy 1988, 61.

³⁹ См. J. Borsányi, *A magyar tragédia kassai nyitánya*. [Кошицкая прелюдия венгерской трагедии] München 1986, (в дальнейшем: Borsányi 1986). Он же: „Az 1941. június 26-ai kassai bombatámadás ‘fehér foltjai’. Visszaemlékezések és személyes észrevételek,“ („Белые пятна“ бомбардировки Кошице 26 июня 1941 г. Воспоминания и личные наблюдения). *Hadtörténelmi Közlemények* 91 (1991/2), 88–113.

после бомбардировки расследовавшей события. Боршани пишет, что свидетели давали противоречивые показания. Кто-то видел два, кто-то три или четыре самолета, рожнятся также описания внешнего вида и технических характеристик: свидетели указывали цвет опознавательных знаков от коричневого до желтого разных оттенков, кто-то видел одномоторные самолеты, – в зависимости от того, что он думал об их принадлежности. Увидев, насколько влияет на память людей полученная позднее информация, автор замечает: „Только немедленная запись и протоколирование фактов может сделать сообщение достоверным.“⁴⁰ Юлиан Боршани собирал документы к своей работе в течение нескольких десятков лет, и на основании своих исследований считает наиболее вероятным, что налет произвела советская авиация по ошибке, но доказательств этой версии, естественно, не существует.

На основании написанных под непосредственным впечатлением от событий дневников складывается картина, отличная от той, которая получается в процессе чтения позднее написанных воспоминаний и мемуаров. Дневники подтверждают, что современники, независимо от их отношения ко вступлению в войну, хотя и были удивлены, но поверили, что произошло советское нападение и не оспаривали необходимости ответных шагов. Мысль о внешнем влиянии тогда еще не возникала. Интересный пример – мемуары Кальмана Швои⁴¹ (Shvoy Kálmán). В 1941 г. он записывает о событиях 27 июня лишь следующее: „Наступило состояние войны между Венгрией и Советским Союзом. – Ласло Бардоши в двух словах объявил об этом в парламенте.“ Однако в 1952 г., явно приводя его в соответствие с актуальной тогда оценкой периода правления Хорти, он дополняет свой дневник следующей записью: „Что касается объявления войны, правительство нарушило Конституцию, потому что объявило парламенту об уже состоявшемся объявлении войны, тогда как должно было получить для объявления войны согласие обеих палат.“⁴² В других мемуарах также встречается выражение „объявление войны“ или его описание вместо объявления о состоянии войны. Исключение составляет, например, Миклош Хорти, который цитирует официальное заявление: „Из-за неоднократных, противоречащих международному праву воздушных налетов Советской России на свою суверенную территорию, Венгрия считает себя находящейся в состоянии войны с Советским Союзом.“⁴³ В этом вопросе самым существенным является то, что не производилось дипломатического выяснения инцидента. Если бы во Второй мировой войне военные действия, случайно затрагивающие нейт-

---

⁴⁰ Borsányi 1985, 54.

⁴¹ Офицер генерального штаба, позднее политик, депутат парламента (1881–1971).

⁴² Shvoy 1983, 225. Кальман Швой запечатлел свои воспоминания об этом периоде тремя способами: в 1941 г. он вел дневник, в 1942 г. составил (на основании заметок) воспоминания в виде дневника о периоде с 25 июля 1914 по 31 декабря 1940 гг., а в 1952 г. дополнил все это своими мемуарами.

⁴³ Horthy 1990, 251.

ральные государства, приводили к их вступлению в войну, Швейцария и Швеция также вступили бы в войну с Германией и ее союзниками. Геза Лакатош⁴⁴ (Lakatos Géza), анализируя ситуацию, приводит слова Хенрика Верта: независимо от того, кто ее осуществил, бомбардировка Кошице „пришлась кстати“⁴⁵, так как послужила предлогом для вступления в войну.

В его дневнике 1944 г. имеется замечание о том, что, по мнению автора, вступление Венгрии в войну произошло под немецким давлением, более того, в результате провокации. Хотя предположение о том, что немецкий и венгерский генштаб могли организовать налет, с целью вынудить венгерское политическое руководство предпринять определенные шаги кажется логичным, оно явно не выдерживает критики. Предположение об участии венгров в провокации служило дискредитации режима Хорти и после 1945 г. отвечало политической конъюнктуре. Интересно, что легенду Круди перенимают многие авторы в эмиграции, даже те, кто мог предполагать, что подобная провокация бессмысленна и маловероятна. Естественно, что в данном случае цель была другой, – переложить ответственность за вступление в войну на немцев, на Гитлера.

Микша Феньо⁴⁶ (Fenyő Miksa), который из-за своего еврейского происхождения скрывался в „выходящей во двор-колодец комнатке“, в 1944 г. указывает на то, что имела место немецкая провокация и даже предполагает соучастие Хорти. 4 июля он записывает в свой дневник: „Для него (Хорти) было ясно, что бомбардировка Кошице дело рук немцев, однако он терпел, когда его правительство заявило, что на страну напали русские самолеты. Он объявляет войну США и отправляет на смерть в русских полях четверть миллиона венгерских мальчиков, среди них и своего сына.“⁴⁷ Феньо не указывает, откуда он получил сведения для данного предположения. Возможно, что слухи о немецкой провокации он дополнил собственными предположениями о роли Хорти, так как в эти дни в своем дневнике подвергает деятельность правителя резкой критике.

Иштван Бетлен, который пишет свои воспоминания после немецкой оккупации летом 1944 г. также находясь на нелегальном положении, не упоминает о немецкой провокации.

Миклош Хорти в своих воспоминаниях принимает историю Круди: „Государственный секретарь президиума совета министров Иштван Барци (Bárczy István) в 1944 году задним числом доложил мне о тайном сговоре, возможности которого я никогда не предполагал. На основании непосредственного знания предыстории Барци рассказал, что инструктор аэродрома в Кошице летный капитан Адам Круди письменно доложил премьер-министру Бардоши о том, что видел своими глазами: бомбы сбросили немец-

⁴⁴ Генерал-полковник, с 29 августа по 16 октября 1944 г. премьер-министр. (1890–1967).

⁴⁵ G. Lakatos, *Ahogyan én láttam*. [Как я видел] ред. L. Antal, Budapest 1992, 47.

⁴⁶ Писатель, публицист (1877–1972).

⁴⁷ Fenyő 1986, 44.

кие самолеты. Однако в то время уже наступило состояние войны. Поэтому Бардоши призвал капитана Круди молчать и предупредил, что в противном случае он может иметь для себя неприятные последствия. Служащие президиума совета министров также получили приказ молчать. В принципе не исключена возможность того, что наблюдение капитана Круди 26 июня 1941 года было ошибочным, однако это очень маловероятно по двум причинам. Как я уже упоминал, наш начальник генштаба был заинтересован в том, чтобы мы вступили в войну так же, как и Гитлер.⁴⁸ Далее он ссылается на то, что после 22 июня получил от Гитлера письмо с призывом вступить в войну, однако по желанию Бардоши и правительства, и вопреки мнению Верта, дал на него отрицательный ответ. Поэтому он и считает логичной возможность сговора между начальником генштаба и немецким руководством с целью получить „вызов“. Однако нет никаких следов упомянутого письма Гитлера, в отличие от тех посланий, в которых немецкое руководство сообщает о том, что в июне 1941 г. не требует венгерского военного участия.

Кроме бывшего правителя, и другие некритично принимают и излагают различные версии истории Круди, например Пал Ауэр⁴⁹ (Auer Pál): „Бардоши знал о том, что не русские сбросили бомбы на Кошице и Мукачево не только из телеграммы Криштофи⁵⁰ (Kristóffy) и донесения военного министра Барта. Начальник аэродрома в Кошице полковник Адам Круди письменно доложил премьер-министру, а затем подтвердил под присягой, что видел собственными глазами, как бомбы сбросили с немецких самолетов. В ответ Бардоши обязал Круди и своих сотрудников соблюдать тайну. Так он обманул не только правителя, но и весь венгерский народ, чтобы иметь юридическое основание для объявления войны. На следующий день он объявил войну Советской России.“⁵¹ Это уже „развитие“ истории Круди, содержащая множество ошибок ее версия.

Многие мемуаристы согласны, что из-за своего географического положения Венгрия должна была выбирать из двух великих держав, она должна была решить, уступить ей немецкому или советскому влиянию. По их мнению, малые нации беззащитны в поле действия политики великих держав. После войны эти авторы описывают вступление в войну как неизбежный, predetermined судьбой шаг, и, ссылаясь на „роковую неизбежность“, „трагическую венгерскую судьбу“ или на немецкое влияние, не исследуют внутреннюю подоплеку этого решения. Миклош Хорти пишет в своих воспоминаниях: „Рассматривая роль моей родины в тридцатые годы, с расстояния двух десятилетий и с той пришедшей впоследствии прозорливостью, которую дал нам страшный опыт Второй мировой войны, я вынужден прийти к выводу, что развитие исторических событий определяет роко-

⁴⁸ Horthy 1990, 250–251.

⁴⁹ Адвокат, политик Партии мелких хозяев, дипломат, журналист (1885–1978).

⁵⁰ См. сноску 14.

⁵¹ P. Auer, *Fél évszázad*. [Полвека] Washington 1971, 210.

вая необходимость... свобода действий малого государства всегда ограничена..."⁵² Сходную точку зрения высказывает и Антал Уллеин Ревички⁵³ (Ullein Reviczky Antal): "...Венгрия, как и другие страны, как пушинка была подхвачена водоворотом гигантских сил, не будет преувеличением сказать, что в конечном итоге судьбу страны определили эти силы, а не более или менее успешные комбинации венгерской дипломатии. ... маленькая страна, оказавшись в центре мирового переворота, не делает историю, а является ее пассивным объектом."⁵⁴

Объяснения спорных вопросов вступления Венгрии в войну появились еще во время этой войны, а после 1945 г. различные, в зависимости от целей авторов, версии нашли свое место в опубликованных в Венгрии и за границей мемуарах. В опубликованных за границей воспоминаниях часто встречаются столь же критичные мнения, как и в появившихся внутри страны. От живущих в эмиграции авторов не требовалось того, на что мы указывали выше в связи с венгерскими публикациями: они не должны были давать негативную картину режима. Их возможная предвзятость может проистекать из другой причины: трагические последствия вступления Венгрии во Вторую мировую войну естественным образом могли заставить авторов критически отнестись к данному периоду и попытаться возложить на кого-то ответственность за случившееся. После войны все шире распространяются и принимаются оценки, которые, оттесняя на задний план реальные события и тенденции, рассматривают вступление в войну как результат внешнего влияния, а в некоторых случаях предполагают и пособничество венгерских руководителей. Однако есть и авторы, которые, по крайней мере, по прошествии событий попытались раскрыть подоплеку ошибочных решений. Возможно, и им не удалось найти правильных ответов, однако заслуживает уважение уже само намерение, – их мемуары не дают новую пищу для иллюзий, а позволяют приблизить картину событий к реальности.

⁵² Horthy 1990, 175.

⁵³ Дипломат (1894–1955).

⁵⁴ A. Ullein-Reviczky, *Német háború, orosz béke. Magyarország drámája*. [Немецкая война, русский мир. Драма Венгрии] ред. L. Antal, Budapest 1993, 5.